

*Грегорио Сальвадору.
А также Антонио Колино,
Антонио Минготе
и адмиралу Альваресу-Аренасу,
in memoriam.*

Истина, вера, человеческий род
проходят бесследно, их забывают,
память о них исчезает.

За исключением тех немногих,
кто принял истину, разделил веру
или полюбил этих людей.

Джозеф Конрад. «Юность»

Роман основан на реальных событиях, места и персонажи существуют на самом деле, однако большая часть сюжета и действующих лиц принадлежит вымышленной реальности, созданной автором.

Представить себе дуэль на рассвете в Париже конца XVIII века не так сложно. На помощь придут прочитанные книги и просмотренные фильмы. Описать ее на бумаге сложнее. А использовать как зачин для романа по-своему даже рискованно. Задача состоит в том, чтобы заставить читателя увидеть то, что видит — или воображает — автор. Для этого надо сделаться чужими глазами — глазами читателя, а затем незаметно удалиться, оставив его один на один с историей, которую ему предстоит узнать. Наша история начинается на лугу, покрытом утренним инеем, в размытом сероватом свете; необходимо добавить сюда и туманную дымку, не слишком густую, сквозь которую в брезжущем свете рождающегося дня смутно проступают очертания рощи, окружающей французскую столицу, — сегодня большинства ее деревьев уже не существует, а оставшиеся оказались в городской черте.

Теперь представим себе персонажей, дополняющих мизансцену. В первых лучах рассвета виднеются две человеческие фигуры, слегка размытые утренней дымкой. Чуть поодаль, ближе к деревьям, возле трех запряженных лошадьми экипажей — другие фигуры: это мужчины, закутанные в плащи, в надвинутых до бровей треуголках. Их около полдюжины, однако их присутствие не так важно для основной мизансцены; так что на какое-то время мы их покинем. Куда важнее сейчас те двое, застывшие неподвижно один подле другого на мокрой траве луга. Они в об-

легающих брюках до колен и рубашках, поверх которых нет ни камзола, ни сюртука. Один худ, высок ростом — особенно для своей эпохи; седые волосы собраны на затылке в небольшой хвост. Другой — среднего роста, волосы завиты, уложены на висках локонами и припудрены по последней моде тогдашнего времени. Ни один из этих двоих не выглядит юношей, хотя расстояние не позволяет утверждать это с уверенностью. А посему давайте приблизимся. Посмотрим на них повнимательнее.

Предмет, который каждый из них держит в руках, — не что иное, как шпага. Похожа на учебную рапиру, если не присматриваться. А дело, по всей видимости, серьезное. Очень серьезное. Эти двое все еще стоят неподвижно на расстоянии трех шагов друг от друга, пристально глядя перед собой. Может показаться, что они размышляют. Возможно, о том, что вот-вот произойдет. Их руки свисают вдоль тела, и кончики шпаг касаются травы, покрытой инаем. У того, который пониже — вблизи он выглядит и моложе, — вид надменный, демонстративно-презрительный. Внимательно изучая соперника, он будто бы желает продемонстрировать свою статью и осанку кому-то еще, кто смотрит на него со стороны рощи, окружающей луг. У другого мужчины — он выше ростом и явно старше по возрасту — глаза водянисто-голубые, меланхоличные, они словно вобрали в себя влажность холодного утра. На первый взгляд может показаться, что глаза эти изучают человека, стоящего напротив, но, если мы заглянем в них, нам станет очевидно, что это не так. На самом деле взгляд их рассеян, отрешен. И если бы человек, стоящий напротив, пошевелился или изменил позу, эти глаза, вероятно, по-прежнему смотрели бы перед собой, ничего не замечая, равнодушные ко всему, устремленные к другим картинам, различимым только для него одного.

Со стороны экипажей, ожидающих под деревьями, доносится чей-то голос, и двое стоящих на лугу мужчин медленно поднимают свои клинки. Они коротко привет-

ствуют друг друга — один из них подносит гарду к подбородку — и снова встают на изготовку. Тот, что пониже ростом, ставит свободную руку на бедро, принимая классическую позицию для фехтования. Другой, повыше, с водянистыми глазами и серым хвостом на затылке, выставляет перед собой оружие и поднимает другую руку, согнутую в локте почти под прямым углом. Пальцы расслаблены и устремлены чуть вперед. Наконеч клинки осторожно соприкасаются, и тонкий серебряный звон плывет в холодном утреннем воздухе.

Однако настало время рассказать историю. Сейчас мы узнаем, что привело героев на этот луг в столь ранний утренний час.

1. ДВОЕ: ВЫСОКИЙ И ТОЛСТЯК

Истинное удовольствие слышать, как они беседуют о математике, современной физике, естественной истории, правах человека, а также античности и литературе, иной раз допуская больше недосказанностей, чем если бы речь шла об изготовлении фальшивых денег. Они живут тайком и умирают так же, как жили.

Х. Кадальсо.
«Марокканские письма»

Я обнаружил их случайно в дальнем углу библиотеки: двадцать восемь увесистых томов в переплете из светло-коричневой кожи, слегка потертой и попорченной временем — их как никак использовали два с половиной века. Я не знал, что они там, — на этих стеллажах мне понадобилось что-то совершенно другое, — как вдруг меня привлекла надпись на одном из корешков: «*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné*»¹. Самое первое издание. То, что начало выходить в 1751 году и чей последний том увидел свет в 1772-м. Конечно, я знал о ее существовании. Как-то раз лет пять назад я даже чуть было не приобрел эту энциклопедию у своего друга — собирателя старинных книг Луиса Бардона, который готов был уступить мне ее в том случае, если клиент, с которым они предварительно договорились, внезапно передумает. Но, к несчастью, — или, наоборот, к счастью, поскольку цена была заоблачная, — клиент ее купил. Это был Педро Х. Рамирес, в то время редактор ежедневной газеты «Эль Мундо». Как-то вечером, ужиная у него дома, я заметил эти тома в его библиотеке — они красовались на

¹ «Энциклопедия, или Толковый словарь» (фр.).

самом видном месте. Владелец был в курсе моей несостоявшейся сделки с Бардоном и подшучивал по этому поводу. «Не отчаивайтесь, дружище, в следующий раз повезет», — говорил он мне. Однако следующий раз так и не наступил. Это большая редкость на книжном рынке. Не говоря о том, чтобы приобрести все собрание целиком.

Так или иначе, в то утро я увидел ее в библиотеке Испанской королевской академии — вот уже двенадцать лет она занимала полку под литерой «Т». Передо мной было произведение, ставшее самым захватывающим интеллектуальным приключением XVIII века: первая и абсолютная победа разума и прогресса над силами тьмы. Тома издания включали в себя 72 000 статей, 16 500 страниц и 17 миллионов слов, отражающих самую передовую мысль эпохи, и были в итоге осуждены католической церковью, а их авторам и издателям грозили тюремное заключение и даже смертная казнь. Каким образом произведение, столь долго входившее в «Индекс запрещенных книг», добралось до этой библиотеки, спрашивал я себя? Как и когда это случилось? Солнечные лучи, льющиеся в библиотечные окна, ложились на пол сияющими квадратами, создавая атмосферу полотен Веласкеса, а позолоченные корешки двадцати восьми старинных томов, теснившихся на полке, поблескивали таинственно и маняще. Я протянул руку, взял один том и открыл титульную страницу:

ENCYCLOPÉDIE,
OU
DICTIONNAIRE RAISONNÉ
DES SCIENCES, DES ARTS ET DES MÉTIERS,
PAR UNE SOCIÉTÉ DE GENS DE LETTRES.
TOME PREMIER
MDCCLI
AVEC APPROBATION ET PRIVILEGE DU ROY¹

¹ Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремёсел, написано сообществом просвещенных людей, том первый, с разрешения и по королевской привилегии, 1751 год (*фр.*).

Две последние строчки вызвали у меня усмешку. Через сорок два года после этого обозначенного латинскими цифрами MDCCLII года, то есть в 1793 году, внук того самого *roi*¹, который дал разрешения и привилегии для публикации первого тома, был казнен с помощью гильотины «на публичной площади» Парижа во имя тех самых идей, которые, вырвавшись со страниц его же «Энциклопедии», воспламенили Францию, а вслед за ней — добрую половину мира. Странная штука жизнь, подумал я. У нее очень своеобразное чувство юмора.

Я перевернул наугад несколько страниц. Девственно-белая, несмотря на возраст, бумага казалась только что вышедшей из типографии. Старая добрая хлопковая бумага, подумал я, не подвластная ни времени, ни человеческой глупости, как отличается она от едкой современной целлюлозы, которая за считанные годы желтеет, делая страницы ломкими и недолговечными. Я поднес книгу к лицу и с наслаждением вдохнул запах старой бумаги. Даже пахнет по-особому: свежестью. Я закрыл том, вернул его на полку и вышел из библиотеки. В то время меня занимало множество других дел, но двадцать восемь томов, скромно стоящих на полке в дальнем углу старого здания на улице Филиппа IV в Мадриде среди тысячи других книг, не выходили у меня из головы. Позже я рассказал о них Виктору Гарсия де ла Конча, почетному директору, которого встретил около гардероба в вестибюле. Он подошел сам. У него было ко мне другое дело — ему для научных штудий понадобилась статья о воровском аргю в произведениях Кеведо, — но я быстро перевел разговор на то, что интересовало в тот момент меня самого. Гарсия де ла Конча только что завершил «Историю Испанской королевской академии», и подобные вещи были еще свежи в его памяти.

— В каком году Академия получила «Энциклопедию»?

¹ Король (*фр.*).

Кажется, вопрос несколько удивил его. Потом он взял меня под руку со свойственной ему изысканной деликатностью, которая в продолжение всего его правления без труда утихомиривала любые склоки и распри в братстве академий испаноязычного мира — так, повлиять на мексиканцев, вздумавших издавать свой собственный словарь, было сложнее, чем сплести кружево на коклюшках; не менее сложно было убедить банковский фонд профинансировать издание «Полного собрания сочинений» Сервантеса, посвященное четырехсотлетию написания «Дон Кихота». Вероятно, именно по этой причине мы переизбирали его несколько раз подряд, пока позволял возраст.

— Честно сказать, я не очень в курсе, — ответил он, пока мы шли по коридору к его кабинету. — По-моему, у нас она приблизительно с конца восемнадцатого века.

— А кто может рассказать об этом подробнее?

— А почему тебя это так заинтересовало, прости мое любопытство?

— Сам не знаю.

— Роман?

— Пока об этом рано говорить.

Он пристально посмотрел на меня своими пронзительными синими глазами. Иногда, чтобы подразнить коллег по Академии, я завожу разговор о романе. На самом деле я не собираюсь писать ничего подобного, но в шутку люблю пригрозить, что они все окажутся на его страницах. Называется он «Очищай, убивай, озаряй»: это история о преступлениях с участием призрака Сервантеса, который бродит по нашему зданию, однако видят его только консьержи. По сюжету всех членов Академии убивают одного за другим, начиная с профессора Франсиско Рико, нашего блестящего специалиста по Сервантесу. Этот будет убит в первую очередь: его повесят на шнуре для гардин в банкетном зале.

— Ты ведь не имеешь в виду этот твой роман об убийствах? Тот, где...

— Нет, не беспокойся...

Гарсия де ла Конча, человек в высшей степени деликатный и сдержанный, вздохнул с облегчением. Но облегчение это было слишком хорошо заметно.

— Мне очень понравилась твоя последняя книга, «Мурсийский танцор». Она, как бы это сказать...

Он был замечательный директор. И славный малый. Окончание фразы повисло в воздухе, предоставляя мне отличную возможность скромно пожать плечами.

— Мирской.

— Что, прости?

— Он назывался «Мирской танцор».

— Ах да... И как это я запомнил? Даже президент появился прошлым летом в журнале «Ола!», лежа в гамаке с экземпляром твоего романа. Помнишь? В Захара-де-лос-Атунес.

— Скорее всего, журнал купила его супруга, — возразил я. — Сам-то он ни одной книги за всю жизнь не прочел.

— Дорогой мой, разве можно так говорить? — Гарсия де ла Конча улыбнулся с напускным возмущением, которого формально требовало мое замечание. — Разве можно!

— Ты видел его хоть раз в какой-нибудь культурной программе? На театральной премьере? В опере? На обсуждении фильма?

— Разве можно...

Последнюю фразу он произнес в кабинете, пока мы усаживались в кресла. Солнце по-прежнему вливалось в окна, и мне пришло в голову, что истории, которые хочется рассказать, в такие дни овладевают нами полностью и уже не отпускают. Кто знает, сказал я себе, вдруг этот случайный разговор будет мне стоить ближайших пару лет жизни? В таком возрасте сюжетов для книг больше, чем свободного времени. Выбрать один означает умертвить все остальные. Выбирать надо с осторожностью: ошибиться никак нельзя.

— И больше ты ничего не знаешь?

Он пожал плечами, вертя в руках ножичек для разрезания бумаги, сделанный из слоновой кости, — такие но-

жички он имел обыкновение держать у себя на столе: на рукоятке были выгравированы те же герб и девиз, что и на медалях, которые мы надеваем во время торжественных событий. Со дня своего основания в 1713 году Испанская королевская академия живет своими традициями: это включает в себя ношение галстука внутри здания, обращение друг к другу на «вы» и прочее. Дикий обычай не допускать на заседания женщин остался в далеком прошлом: их все чаще можно встретить на планерках по четвергам. Мир изменился, и наша Академия тоже. Сейчас это всего лишь приличное гуманитарное заведение, и академиками считаются лишь члены ректората. Старый образ мужского клуба, где заседают побитые молью старички-эрудиты, — не более чем избитое клише.

— Припоминаю, что дон Грегорио Сальвадор, наш декан-академик, однажды рассказывал мне про это, — немного поразмыслив, проговорил Гарсия де ла Конча. — Путешествие во Францию за книгами или что-то в этом духе...

— Странно, — удивился я. — Ты говоришь, что это случилось в конце восемнадцатого века, однако в Испании «Энциклопедия» была в то время запрещена. Да и гораздо позже тоже.

Гарсия де ла Конча наклонил голову, поставил локти на стол и посмотрел на меня поверх сплетенных пальцев. Как обычно, его глаза взирали на действия другого человека с тайной мольбой, прося об одном: чтобы их хозяину не осложняли жизнь.

— Может быть, Санчес Рон, библиотекарь, сумеет тебе помочь, — произнес он наконец. — Он занимается архивами, а в них хранятся протоколы всех заседаний от самого основания Академии. Если кто-то ездил за книгами, об этом сохранилась запись.

— Однако, если это сделали тайно, записей не осталось. Он улыбнулся.

— Ни в коем случае, — ответил он. — Академия всегда пользовалась поддержкой самого короля и держалась не-